УДК 17.021.3; 911.9

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-134-143

Василий Львович Мартынов¹,

*доктор географических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48),
e-mail: martin-vas@yandex.ru
orcid 0000-0002-7741-1719*

Ирина Евгеньевна Сазонова²,

*кандидат географических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48),
e-mail: iesazonova@mail.ru
orcid: 0000-0002-3456-1223*

Социально-философские подходы и их использование в «криминальной географии»

Социальная философия и социально-экономическая география (СЭГ) имеют между собой очень много общего. Но социальная философия использует главным образом временные подходы к исследованию, социально-экономическая география – пространственные. Одним из направлений общественно-географических исследований, где социально-философские подходы могут быть очень полезны, является «криминальная география». В постсоветской России большую известность получили организованные преступные группы с «географическими» названиями, в основном происходящие из так называемых «индустриальных деревень». Эти преступные группы представляют собой «бандитскую» преступность, для которой определяющее значение имела экономическая деятельность. В советское время сформировалась «воровская» преступность, имевшая «интернациональный» характер. «Воры» создали «параллельное общество», основанное на отрицании ценностей, свойственных большей части общества. «Воровская» преступность наиболее широко распространена в бедных регионах, имеющих большое количество исправительных учреждений. Социальный характер имеет также уличная преступность, характерная для бедных регионов и бедных районов больших городов. Политическая преступность – это уголовные преступления, прикрываемые красивыми лозунгами (политическими, религиозными, национальными). Но основная причина политической преступности – борьба за природные ресурсы. В профилактике преступности и борьбе с ней следует учитывать пространственные особенности и историю формирования преступных сообществ в пределах определённой территории.

Ключевые слова: социальная философия, социально-экономическая география, «криминальная география», криминальные сообщества, уличная преступность, политическая преступность, региональные различия

Введение. Социальная философия и социально-экономическая география (СЭГ) имеют между собой очень много общего. Интересы представителей этих наук «растекаются» очень широко, однако для обеих наук характерно отсутствие признаваемой всем принадлежащим к этим наукам сообществом теоретической основы. Социальная философия пытается в качестве таковой создать некую «общую теорию исторического процесса»: «Социальная философия нуждается в теории, способной послужить основой размышлений об истории человечества» [9, с. 7]. Таким образом, социальная философия об-

наруживает большой интерес к временным, «темпоральным» изменениям в общественном развитии.

Социальные философы склонны рассматривать пространство как некую абстракцию, не имеющую каких бы то ни было физических измерений: «...Постановка в социальной философии XX в. вопроса о возможности изучения социального без использования понятия “общество” привела к необходимости методологического переосмысления пространственного измерения социальных феноменов» [2, с. 8]. Более того, для социальной философии последних десятилетий характерны

¹ В. Л. Мартынов – основной автор, разрабатывает концепцию статьи, собирает материал, систематизирует и анализирует материалы исследования.

² И. Е. Сазонова собирает материал, систематизирует и анализирует материалы исследования.

утверждения о том, что «Общество более не привязано к территории, субкультура – к месту, личность – к функции» [10, с. 33].

Для социально-экономической географии, как и для географии вообще, понятие «пространство», как правило, является не абстрактным, а вполне конкретным, имеющим определённые физические характеристики. Согласно одному из определений СЭГ, «Социально-экономическая география – это наука, изучающая особенности, процессы и закономерности пространственного развития общества» [11, с. 109]. Использование социально-философских подходов может способствовать развитию социально-экономической географии, в особенности «социальной» её составляющей, положение дел в которой А. Г. Дружинин оценивается следующим образом: «Несмотря на ряд работ в области социальной географии... не получили пока должной экономико-географической интерпретации и рельефно проявившиеся на постсоветском пространстве территориально-социальное неравенство, бедность, дефициты в развитии социальной инфраструктуры, различного рода социальные патологии (алкоголизм, наркомания)» [8, с. 135].

Одним из направлений общественно-географических исследований, где социально-философские подходы могут быть очень полезны, является «криминальная география».

Методология и методы исследования. К числу относительно недавних работ, посвящённых проблеме развития «криминальной» культуры, относится статья профессора В. Г. Громова «Российская криминальная субкультура: философский аспект» [7]. Одним из наиболее значимых положений данной статьи можно считать следующее: «Наблюдая, как современный криминалитет, используя любые средства, рвётся во власть, можно с большой долей вероятности предположить, что демократии в государственные институты им будет привнесено немного. Очевидно, что о демократическом государстве в таких условиях говорить не приходится» [Там же, с. 55–56].

Очень интересным представляется мнение Р. А. Ромашова: «Преступление – такой же элемент культуры и форма её выражения, как и право, более того, при помощи правовых средств нередко совершаются различные злоупотребления, а преступления в ряде случаев совершаются ради личного или общественного блага» [13, с. 258]. И преступная, и «правовая» среда являются элемента-

ми культуры, которая как трансформируется во времени, так и обнаруживает значительные пространственные различия.

Эти различия определяются действием разных факторов и условий – экономических, социальных, политических, военных и даже природных. Как отмечал Ю. М. Антонян, характеризуя особенности криминологической науки, «криминологию с полным на то правом можно отнести к тем наукам, которые непосредственно изучают человека “плохого”... которого не изучает никакая другая дисциплина» [3, с. 69]. Очень сложно понять, какое влияние на формирование «человека плохого» оказало его жизненное пространство, насколько – время, в котором он живёт, и насколько его собственные психологические особенности. И здесь социально-философские подходы должны теснейшим образом сочетаться с социально-географическими.

Зарубежные географические исследования криминальных проблем начались в 70-х годах XX века [16; 17]. Первые работы такого рода имели сугубо прикладной характер. В 80-е годы XX века в западной криминальной географии появляются первые работы, где наряду с описанием криминальной ситуации в различных местностях и систематизацией этих местностей предпринимаются попытки анализа этих различий, условий и факторов, их определяющих [18]. Обычно выделяются два главных направления, преступления против личности и преступления против собственности, исследования же строятся на сравнении показателей этих двух групп преступлений в разных регионах одного государства. Межгосударственные сравнения тоже проводятся, но редко, поскольку они имеют смысл только в случае одинаковой или, по крайней мере, сходной правовой базы.

В отечественной социально-экономической географии исследования в области географии преступности начались с 70–80-х годов XX века. Как можно предположить, значительная часть такого рода исследований имела тогда «закрытый» характер. В 90-е годы и первые годы XXI века число работ на заявленную тему увеличивается, начинают определяться основы географии преступности как научного направления. А. Д. Бадов в своей докторской диссертации, защищённой в 2009 году, даёт следующее определение: «Географию преступности (геокриминологию) можно определить как науку, изучающую территориальную дифференциацию преступности и взаимосвязи между географическими

условиями и её уровнем (характером)» [4, с. 4]. Почти такое же, как у А. Д. Бадова, определение географии преступности даётся и в кандидатской диссертации К. Ю. Сикач, защищённой в 2017 году: «География преступности... отрасль общественной географии, которая исследует территориальную дифференциацию правонарушений (преступлений и проступков) и взаимосвязь между географическими условиями и структурой, уровнем и характером преступности в пределах территориальных систем...» [14]. К. В. Аверкиевой проводилось географическое исследование размещения мест заключения в России [1]. Это исследование, выполненное очень профессионально, даёт общую картину размещения исправительных учреждений по регионам страны, их воздействия на экономику и социальную сферу разных местностей России. Проводились также и философские исследования такого рода [6].

Результаты исследования и их об- суждение. В России в 90-е годы XX века широкую известность приобрели организованные преступные группы с «географическими» названиями – «тамбовские», «казанские», «курганские», «чеченские», «солнцевские» (подмосковный город Солнцево, входящий в состав Москвы), «уралмашевские» (представители крупного района Екатеринбурга, именующегося «Уралмаш» и отстроенного одноимённым заводом), и другие.

Все эти «географические» группировки объединяет одно общее свойство – они происходили из так называемых «индустриальных деревень», городов, в которых экономическое развитие значительно опережало социальное. В 90-е годы сложившаяся система жизненных ценностей по всему пост-советскому пространству начала рушиться. Поколение, выросшее в рабочих общежитиях «индустриальных деревень», решило добиться для себя лучшей доли самым быстрым образом, который был им доступен и понятен – преступной деятельностью.

Нечто подобное было свойственно не только России, но и другим постсоветским республикам. Так, например, на Украине самым криминальным районом постсоветского времени становится Донбасс, один из главных индустриальных центров бывшего Союза ССР. То, что нынешняя ситуация на Юго-Востоке Украины имеет прямую связь с развитием там криминалитета, представляется вполне очевидным.

Обычно считается, что уголовниками становятся те, кому больше нечем заняться. И

если развивать разнообразные формы активности, в том числе спортивной, то это будет способствовать отвлечению людей от криминальной деятельности и снижению тяги к «уголовщине». Действительность опровергла эти утверждения – большинство «бандитов» в своей «прошлой» жизни были спортсменами. Многие из них занимались тяжёлой атлетикой как профессионально (греко-римская и вольная борьба, бокс, гиревой спорт и т. д.), так и «для себя» (так называемые «качки»), а также восточными «боевыми искусствами», третьей пулевой стрельбой или биатлоном. В рядах «бандитов» находилось место представителям, в общем-то, любого вида спорта.

«Бандиты» стремились поставить под свой контроль как можно больше легальных экономических и политических структур. Особенно большое внимание они уделяли прибыльным отраслям экономики (нефтедобыча и нефтепереработка, угледобыча, химическая промышленность, автомобилестроение и др.) и экономически эффективным регионам, причём некоторые из таких регионов фактически и управлялись представителями преступных сообществ.

Бандиты господствовали в криминальном мире большей части экономически благополучных регионов России. Бандитская «верхушка» – вполне респектабельные люди, владеющие легальным бизнесом и даже, более того, иногда работающие в структурах государственной власти. Как бизнес, так и власть используются для прикрытия незаконных операций и легализации доходов, полученных преступным путём (наркоторговля, торговля оружием, похищение людей с целью выкупа, истязаний, либо «на органы», организация проституции, «работоторговли» и т. д.). «Ввести» деньги, полученные таким образом, в легальный оборот напрямую может быть очень сложно, а через любую официально существующую «торговую точку», «ремонтную мастерскую» или «автосервис» особого труда не составляет.

Традиционно высок интерес «бандитов» к строительству. В последние годы отчётливо проявился интерес российских «бандитов» к торговле, городскому транспорту и жилищно-коммунальному хозяйству, поскольку это те сферы, без которых современное общество просто не может существовать. Очень распространённым легальным прикрытием деятельности «бандитов» является организация «частных охранных предприятий» (ЧОП).

Соответственно области влияния «бандитов» – даже не экономически благополуч-

ные регионы как таковые, а, скорее, крупные города и их агломерации. За пределами этих агломераций влияние «бандитов» сходит на нет, и криминальная ситуация там сходна с ситуацией в «воровских» регионах.

Это хорошо заметно в «пристоличных» областях, Московской и Ленинградской. В советское время лицам, совершившим тяжёлые преступления, запрещалось возвращаться после отбытия наказания в крупные города, они могли проживать не ближе 101 км, а позднее – 150 км от них. Туда же, «на сто первый километр», выселялись в советские времена из крупных городов «антисоциальные элементы». В результате этого криминальная ситуация в пригородных и окраинных частях Московской и Ленинградской областей очень резко различается.

В целом можно утверждать, что «бандитские» ОПГ, появившиеся в постсоветское время, представляли собой продукт «рыночной экономики». Такие группировки преследовали и преследуют главным образом экономические цели – «зарабатывание денег» любым способом.

Однако ко времени расцвета «бандитизма» в России и других республиках СССР в 90-х годах здесь уже сформировалась «преступная среда», которую принято обозначать как «воровскую». В «воровской» среде также существовала и существует иерархия, верхний уровень которой составляют «воры в законе». Но «воровская» среда рассматривала себя как структуру, противостоящую общепринятой системе ценностей и «отрицающую» её. «Вором в законе» мог стать только человек, никогда не состоявший ни в каких государственных и общественных структурах, даже в школьные годы. Такой человек не мог служить ни в каких государственных учреждениях, даже в армии по призыву или по мобилизации. Он не мог нигде «работать по найму», иметь какую бы то ни было собственность, сбережения и семью, равно как и официальное место жительства.

Таким образом, «вор в законе» за пределами «воровской» системы формально не имел вообще никакого общественного статуса. Его власть и влияние действовали главным образом в местах лишения свободы, пребывание в которых занимало большую часть жизни «вора в законе» в его традиционном понимании. Но если создать «бандитскую» группировку и руководить ею мог кто угодно, вне зависимости от его прошлой биографии, то статус «вора в законе» мог быть присвоен только другими «ворами в законе». Если ста-

тус преступника в составе «бандитской» ОПГ имел значение только для самой этой ОПГ и её конкурентов, то статус преступника в «воровской» системе действует по всей территории не только России, но и всех прочих республик бывшего Союза. «Воры в законе» представляют собой интернациональное сообщество. При этом, насколько можно судить по общедоступным биографическим сведениям, много «воров в законе» имело и имеет грузинское (Тбилиси, Кутаиси) и в целом кавказское происхождение.

90-е годы отмечены противостоянием между «бандитами» и «ворами», проявившемся в первую очередь в местах лишения свободы. Но и на воле «бандиты» и «воры» активно боролись друг с другом. Эта борьба привела к тому, что «воровская» система сдала свои позиции. «Воры» начинают заниматься бизнесом, обзаводиться собственностью, семьями, пусть и неформальными, устанавливать связи с властными структурами и правоохранительными органами, участвовать в общественной и политической жизни.

«Бандиты» совершенно не склонны подчёркивать свою уголовную сущность. Напротив, будучи ориентированными на признание в «легальном» мире, они могут эту сущность вообще не обозначать вне своего специфического круга общения. «Воры», наоборот, всячески проявляют свою приверженность «воровской идее», «традициям» уголовного мира как в местах заключения, так и на воле.

Следует отметить, что и в «бандитской», и в «воровской» системе ценностей люди, не принадлежащие к преступному миру, рассматриваются только в качестве жертв («лохов», «терпил» – эти слова из уголовного жаргона сейчас стали обычными в повседневном языке). Другими словами, людьми в этих «системах» считаются только преступники. В отношении остальных никакие «воровские законы», «понятия» и т. д. не действуют. Образ «благородных бандитов» и «честных воров», формируемый, в том числе, и широко распространённым в России «блатным фольклором», абсолютно фальшив – «бандиты» и «воры» благородны и честны, да и то далеко не всегда, исключительно со «своими». Для жертв как у воров, так и у бандитов есть только один «закон» – звериный.

«Воровские» регионы – это в основном бедные части страны, при этом имеющие большое количество мест заключения (исправительно-трудовых учреждений – ИТУ, или «зон», как их именуют в неофициальном общении). Большая часть таких регионов

расположена в Азиатской России, главным образом в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также на Урале, севере и юге Европейской России.

В Азиатской России и на севере Европейской России формирование системы ИТУ началось в 30-е гг. XX века, лагеря эти были частью системы ГУЛАГа (Главного управления лагерей НКВД СССР, с 1946 г. – МВД СССР). Основным фактором, определившим их создание и развитие, было ускоренное развитие добывающей промышленности.

После двух крупных амнистий 50-х годов (уголовной – первой половины 50-х гг. и политической – второй половины 50-х гг.) значительная часть лагерей была ликвидирована, а общее количество заключённых существенно снизилось. В ходе амнистии 1953 г. из примерно 2,5 млн заключённых ГУЛАГа было освобождено около 1,2 млн, в ходе последующих амнистий 50-х гг. – ещё примерно 300 тыс.¹ Но тех мест заключения, которые остались, вполне хватало для постоянного пополнения приверженцев «воровской идеи». Многие из тех, кто выходил на свободу после отбытия срока заключения, оставался жить в тех же местах, где отбывал наказание. В результате сформировались целые системы населённых мест, где господствовали «воровские идеи». С массовым выездом населения из регионов Крайнего Севера часть таких населённых мест исчезла (в Магаданской области, Чукотском АО, на севере Якутии), но значительная часть осталась (в Красноярском, Забайкальском краях, Иркутской, Кемеровской, Томской областях в Сибири, Пермском крае на Урале, Республике Коми на севере Европейской России и др.).

«Воровские» взгляды господствуют также в криминальном мире Южной России, но здесь ситуация выглядит совершенно иной, чем в Азиатской России. Большая часть южно-российских регионов занимает последние места по уровню преступности в России. Но это связано не с тем, что здесь действительно совершается меньше преступлений. На Кавказе традиционно не принято обращаться в правоохранительные органы – жертвы преступлений или их родственники либо сами пытаются «разобраться» с преступниками, либо просто молчат о совершённом в отношении них преступлении, потому что боятся мести со стороны преступников. Реальная ситуация с преступностью в этих регионах

«проявляется» лишь в случае совершения аномально жестоких преступлений (массовое убийство в станице Кущевская Краснодарского края, 2010 г.). Для большей части регионов Северного Кавказа характерно аграрное перенаселение, низкий уровень доходов и высокая миграционная подвижность населения. При этом на юге России со времён его промышленного расцвета, основанного на добывающей промышленности (30–50-е гг.) сохраняется значительное количество ИТУ. В таких условиях «воровская идея» не могла не расцвести пышным цветом, что и произошло.

«Воровская» преступная среда – это, по сути, «параллельное общество» со своей структурой, иерархией, системой ценностей. Другими словами, «воровская» среда в большей мере основана на социальных, или, что правильнее, антисоциальных ценностях, чем на экономических. Она представляет собой «отражение в кривом зеркале» того общества, которому противостоит. Часто утверждается, что «воровская» среда в её нынешнем виде характерна только для России и других государств, образовавшихся на месте СССР. На самом деле это не так. Сходные с российской «воровской» средой структуры, основанные на отрицании традиционных общественных ценностей, существуют и в других странах, например, Бразилии [15], причём они имеют более «изошрённый» характер, представляя собой целостные социально-философские системы.

Социальный по происхождению характер имеет «уличная преступность». И «воровская», и «уличная» преступные среды основаны на отрицании ценностей, характерных для подавляющего большинства людей. Следует отметить, что в целом пока что уровень уличной преступности даже в самых «криминальных» городах и регионах нашей страны ниже, чем в Западной Европе и США.

Отставание России и других постсоветских стран от Западной Европы и США в криминальном отношении можно оценить лишь положительно. Но основная его причина – более слабая, в сравнении с западноевропейской и североамериканской, социально-территориальная дифференциация населения. Но эта дифференциация постепенно усиливается, что хорошо заметно в Москве. На западе столицы и к западу от неё идёт процесс формирования районов для богатых и очень богатых людей («Рублёвка»)². «Районы для

¹ Бердинских В., Веремьев В. Краткая история ГУЛАГа. Главы из книги. Продолжение // Новый мир. – 2018. – № 11. – С. 93–123.

² Гладкий Ю. Н., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Экономическая и социальная география России: в 2 т. Т. 2. – М.: Академия, 2014. – 400 с.

бедных» в Москве столь же явственно не заявляют о себе, но на востоке столицы и Подмосковья в бывших промышленных районах (например, Люблино) проявляются тенденции к их формированию¹.

В СССР уличные банды появлялись уже в советское время, особую известность в 70–80-е годы получили банды Татарстана, они действовали в Казани и Набережных Челнах. В конце 80-х годов большую известность получили «любера», выходцы из расположенного к юго-востоку от столицы города Люберцы. В 90-е годы такие банды приобрели широкое распространение в разных городах России, но чаще всего они входили в какие-либо крупные организованные преступные группы.

Сейчас это главным образом небольшие банды, действующие на свой страх и риск, но от этого не менее опасные. Для нынешних уличных банд характерен очень высокий уровень жестокости. Борьбa с такими бандами сложно. Между тем они могут представлять собой грозную и разрушительную силу, как показал опыт Украины – большая часть «участников Майдана» 2014 года, равно как и последующих событий, судя по их виду и действиям, была представлена участниками уличных банд, в просторечии «гопниками».

Часто вовлечение молодёжи в преступную деятельность происходит в качестве «развлечения», экстремального или не очень. «Развлекательная» деятельность сейчас очень тесно переплелась с преступной, настолько тесно, что отделить одно от другого бывает очень сложно. Так, широко известно, что значительная часть наркотиков реализуется в ночных клубах и на рок-концертах; футбольные фанаты представляют собой «питательную среду» для самых разных преступлений, связанных с применением физической силы. Более того, совершаемые ими преступления члены современных уличных банд также зачастую воспринимают как развлечение. Однако сочетание «развлекательной» и «преступной» деятельности определилось далеко не сейчас. Любой сельский клуб, городской дом или дворец культуры, курортная танцплощадка и т. д. в советское время были местом для постоянных драк и прочих подобных правонарушений и преступлений.

Существует также группа преступлений, направленная против общества и государства. Самым известным видом такого рода

деятельности является терроризм. Терроризм – явление не новое, террористические акты начались ещё в XIX веке. Но с 60-х годов XX века террористы меняют основные направления своей деятельности. Если до этого мишенью террора были руководители государств, миллионеры и подобные люди, то с 60-х годов покушения на них практически прекращаются. С 70-х годов XX века основной мишенью террористов становятся обычные люди. В Советском Союзе первый террористический акт в отношении мирного населения был совершён в 1977 году в метрополитене Москвы армянскими националистами. В пост-советское время местами совершения террористических актов был метрополитен (Москва, Санкт-Петербург), жилые дома (Москва, Каспийск, другие города), школы (Беслан), развлекательные объекты («Норд-Ост»), больницы (Будённовск), железнодорожный транспорт (подрыв поезда «Невский экспресс»). Во всех случаях погибали мирные и ничем не защищённые люди.

Многие террористические акты совершаются так называемые «смертниками», которые погибают при совершении этого теракта. С «криминальной» точки зрения, это очень удобно – не надо тратить время и силы на ликвидацию непосредственного исполнителя преступления, как это принято в уголовной среде.

Какими бы идеями и лозунгами ни прикрывались террористы, их основная цель заключается в борьбе за те или иные природные ресурсы. Это очень легко осознаётся на примере «исламского» терроризма, представители которого якобы борются и погибают во имя «торжества Корана». Но главный источник исламского терроризма – Ближний и Средний Восток, главный «ресурсный район» современного мира, значимость которого связана с запасами углеводородного сырья (здесь сосредоточено примерно две трети мировых запасов нефти).

Когда проблема «раздела ресурсов» теряет свою актуальность, прекращается и движимая ею террористическая деятельность. В качестве примера можно привести Югославию, вся история существования которой с 1918 года и до 90-х годов XX века, в сущности, представляет собой череду разнообразных террористических актов. После распада Югославии проблема терроризма здесь исчезла настолько, что ныне (2018) ни в Белграде, ни в Загребе, ни в Сараево, ни в других больших и маленьких «пост-югославских» городах почти нет ставших для нас уже

¹ Ляпин А. В Москве «выстраиваются» гетто [Электронный ресурс] // Коммерсант FM – 2018. – Ноябрь. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3793520> (дата обращения: 13.10.2018).

привычными «рамки» металлодетекторов и охранников из ЧОПов при них.

Для «криминальной географии» определяющее значение имеют различия регионов по основным факторам формирования преступной среды.

Преступность как экономический институт развивается в крупных городах и их агломерациях, а также других «богатых» частях страны и районах крупных городов. Это «бандитские» регионы, где основной смысл преступной деятельности – материальные блага, используемые для личного обогащения, всё остальное второстепенно.

Преступность как социальный институт формируется в бедных регионах и бедных районах крупных городов, образуя «параллельное общество» с собственной системой ценностей, как правило, построенной на отрицании аналогичной системы, свойственной для большей части общества. Преступные системы такого типа создают иллюзию движения в своей иерархии, которая на самом деле уводит человека не вверх, а вниз.

Политическая преступность характерна для стран и регионов, в которых различные группы населения борются за ресурсы, на которых основывается жизнь того или иного общества (землю, воду, полезные ископаемые и т. д.). Это могут быть как социальные группы (классы), так и религиозные либо этнические. Во всех случаях красивые лозунги призваны скрывать обычные уголовные деяния.

Заключение. Социально-философские подходы имеют большое значение для исследований в области социально-экономической географии в целом и «криминальной географии» в частности.

Для пространственного развития общества определяющее значение имеет мотивация перемещения каждого отдельного человека. Для человека биологического основным мотивом перемещения являются природные условия, ему от общества ещё или уже ничего не надо. Для человека политического основным мотивом перемещения является контроль над природными ресурсами. Для человека экономического определяющим фактором перемещения является экономико-географическое положение, позволяющее получать наибольшую прибыль. Для человека социального главными являются уже существующая инфраструктура и система ценностей, что позволяет достигать наибольших высот в выбранном им направлении деятельности, независимо от того, какие доходы это направление приносит или каких расходов потребует [11].

Эта мотивация свойственна «человеку хорошему», если можно так выразиться. Для «человека плохого», о котором речь шла выше, характерна та же мотивация, за одним исключением – в этом случае отсутствует мотивация «человека биологического», поскольку природные условия одинаковы для всех. В Евангелии от Матфея сказано: «Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5 : 45), и спорить с этим не получится.

Соответственно возможно прогнозировать пространственное развитие «криминальной обстановки», исходя из факторов, её определяющих. Следует осознавать, что рост уровня преступности будет продолжаться опережающими по отношению к общественному развитию в целом темпами. Отмечается, что «общий рост числа регистрируемых преступлений является глобальным трендом» [5, с. 348]. Этот рост можно связать с вытеснением значительной части экономически активного населения из «реальной экономики» [12]. В богатых странах «вытесняемое» из экономической деятельности население обеспечивается средствами к существованию за счёт ускоренного развития «сферы услуг», в том числе и социальных. В бедных странах, включая Россию, такое население просто оказывается на грани, а иногда и за гранью выживания.

Меняется также и социальная структура общества, значительная часть которого теряет возможность «движения вверх». В постиндустриальных условиях заполнение уровней социальной иерархии происходит в значительной мере «горизонтально», за счёт новых представителей тех же социальных групп. «Чужие» наверх допускаются всё меньше и меньше. Это очень хорошо заметно на примере современной России, «высшая номенклатура» сохраняется с первых пост-советских лет при том, что одним из главных лозунгов перестройки и была «борьба с номенклатурой».

Существенные изменения происходят и в политической сфере. Если в 90-е годы XX века и первые годы XXI века эпицентром политических перемен была Европа, то сейчас основной район политических потрясений сместился в Юго-Западную Азию. Если события будут развиваться по той же пространственной логике, что и после обеих мировых войн, то бурные политические события вскоре начнутся в Южной Азии, затем в

Юго-Восточной и Восточной, а потом уже и в других частях света. Насколько это будет затрагивать Россию, трудно сказать определённо, но очевидно, что будет, и наиболее значительно – пограничные регионы.

Политическая преступность по генезису близка к социальной, но если в «социальные» преступные группировки вовлекаются те, кто хочет «быть как все», то в политические, – скорее, те, кто хочет «быть не как все», «бо-

роться за всеобщее счастье», невзирая ни на что. Но от того, что убийство называется «ликвидацией», а грабёж – «экспроприацией», они не перестают быть преступлениями.

Исходя из этого, преступность, определяемая экономическими, социальными и политическими причинами, развивается и будет развиваться в разных частях страны, соответственно как для профилактики, так и для борьбы с ней нужны разные методы и подходы.

Список литературы

1. Аверкиева К. В. Территориальная организация исправительных учреждений России // Известия Российской Академии наук. Сер. Географическая. 2014. № 3. С. 19–34.
2. Аникин Д. А. Топология социального пространства: от географии к социальной философии // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Вып. 1. С. 5–9.
3. Антонян Ю. М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4. С. 67–75.
4. Бадов А. Д. География преступности в России в постсоветское время: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24. Краснодар: КубГУ, 2009. 45 с.
5. Ведерникова О. Н. Криминальная ситуация в России в свете мировых тенденций // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 347–354.
6. Гасанов С. С. Социальные корни преступности на Северном Кавказе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД РФ, 2014. 28 с.
7. Громов В. Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект // Теология. Философия. Право. 2017. № 2. С. 44–57.
8. Дружинин А. Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 127–140.
9. Келле В. Ж. Социальная философия: Актуальные проблемы // Философия и общество. 2006. № 1. С. 5–18.
10. Кемеров В. Е. Позиции и пути современной социальной философии // Logos et Praxis. 2011. № 2. С. 28–34.
11. Мартынов В. Л. Российская социально-экономическая география: современное состояние, основные проблемы и перспективы развития // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 109–126.
12. Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Региональное развитие Северо-Запада // Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. М.: ИГ РАН, 2007. С. 287–300.
13. Ромашов Р. А. Преступность и криминогенность как предметные области философско-правового анализа // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3. С. 255–263.
14. Сика К. Ю. Географические факторы динамики преступности на Украине в 1990–2012 годах: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М.: ИГ РАН, 2017. 24 с.
15. Сулимов С. И., Черенков Р. А. Умбанда и Палмарис: антисистема в Бразилии // Манускрипт. 2018. № 8. С. 86–92. DOI: 10.30853/manuscript.2018–8.19.
16. Harries Keith D. The Geography of American Crime 1968. Journal of Geography. 1971. No. 4. Pp. 204–213. DOI: 10.1080/00221347108981621.
17. Herbert D. T. Geography of Urban Crime. New York: Longman Inc. 1982. 132 p.
18. Lowman J. Conceptual Issues in the Geography of Crime // Toward a Geography of Social Control. Annals of the Association of American Geographers. 1986. Vol. 76. No. 1. Pp. 81–94. DOI: 10.1111/j.1467–8306.1986.tb00105.x.

Статья поступила в редакцию 18.11.2018; принята к публикации 25.12.2018

Библиографическое описание статьи

Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Социально-философские подходы и их использование в «криминальной географии» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 134–143. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-134-143.

Vasily L. Martynov¹,

*Doctor of Geography, Professor,
A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
(48 Moyka River emb., Saint Petersburg, 191186, Russia),
e-mail: martin-vas@yandex.ru
orcid: 0000-0002-7741-1719*

Irina Ye. Sazonova²,

*Candidate of Geography, Associate Professor,
A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
(48 Moyka River emb., Saint Petersburg, 191186, Russia),
e-mail: iesazonova@mail.ru
orcid: 0000-0002-3456-1223*

Socio-Philosophical Approaches and their Use in the “Criminal Geography”

Social philosophy and socio-economic geography have a lot in common. However, social philosophy uses mainly temporal approaches to the research and socio-economic geography – spatial ones. One of the areas of socio-geographical research where socio-philosophical approaches can be very useful is “criminal geography”. In post-Soviet Russia, organized criminal groups with “geographical” names originating mainly from the so-called “industrial villages” became more famous. These criminal groups include “gang” crime, for which economic activity was crucial. In Soviet times, a “thief” crime was formed which had an “international” character. “Thieves” created a “parallel society” based on the denial of the values inherent in most of the society. “Thief” crime is most widespread in poor regions with a large number of correctional facilities. Street crime which is characteristic of poor regions and poor areas of large cities also has a social character. Political crime is a criminal offense hiding behind beautiful slogans (political, religious, national). However, the main reason for political crime is the struggle for natural resources. In the prevention and control of crime, one should take into account the spatial characteristics and history of the formation of criminal communities within a certain territory.

Keywords: social philosophy, socio-economic geography, “criminal geography”, criminal communities, street crime, political crime, regional differences

References

1. Averkieva, K. V. Territorial organization of correctional institutions of Russia. *Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 3, pp. 19–34, 2014. (In Rus.)
2. Anikin, D. A. Topology of social space: from geography to social philosophy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*, no.1, vol.1, pp. 8, 2014. (In Rus.)
3. Antonyan, Yu. M. Criminology of the future: interdisciplinary scientific relations. *Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika*, no. 4, vol. 30, pp. 67–75, 2014. (In Rus.)
4. Badov, A. D. The geography of crime in Russia in the post-Soviet period. Dr. sci. geogr. diss. abstr. Krasnodar: KubGU, 2009. (In Rus.)
5. Vedernikova, O. N. The criminal situation in Russia in the light of global trends. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad*, no. 2, pp. 347–354, 2009. (In Rus.)
6. Gasanov, S. S. Social roots of crime in the North Caucasus. Cand. of philosophical sci. diss. abstr. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD RF, 2014. (In Rus.)
7. Gromov, V. G. Russian criminal subculture: philosophical aspect. *Teologiya. Filosofiya. Pravo*, no. 2, pp. 44–57, 2017. (In Rus.)
8. Druzinin, A. G. Development of Russian human geography: trends, problem situations, priorities. *Baltiyskij region*, no.2, pp.127–140, 2015. (In Rus.)
9. Kelle, V. Zh. Social philosophy: Actual problems. *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1, vol. 42, pp. 5–18, 2006. (In Rus.)
10. Kemerov, V. E. Positions and ways of modern social philosophy. *Logos et Praxis*, no. 2, pp. 28–34, 2011. (In Rus.)
11. Martynov, V. L. Russian socio-economic geography: current state, main problems and prospects of development. *Baltiyskij region*, no. 2, pp. 109–126, 2015. (In Rus.)
12. Martynov, V. L., Sazonova, I. Ye. Regional development of the North-West. *Unasledovanny'e social'no-e'konomicheskie struktury i perexod k postindustrial'nomu obshchestvu*. Moscow: IG RAN. 2007: 287–300. (In Rus.)
13. Romashov, R. A. Crime and criminality as subject areas of philosophical and legal analysis. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, no. 3, vol. 41, pp. 255–263, 2015. (In Rus.)

¹ V. L. Martynov: main author, development of the article concept, systematization of research materials, analysis.

² I. Ye. Sazonova: collection of material, systematization of research materials, article design.

14. Sikach, K. Yu. Geographical factors of the dynamics of crime in Ukraine in 1990 – 2012 years. Cand. geogr. sci. diss. abstr. Moscow: IG RAN, 2017. (In Rus.)
15. Sulimov, S. I., Cherenkov, R. A. Umbanda and palmaris: anti-system in Brazil. Manuscript, no. 8, vol. 94, pp. 86–92, 2018. DOI: 10.30853/manuscript.2018–8.19. (In Rus.)
16. Harries Keith D. The Geography of American Crime 1968. Journal of Geography, no. 4, vol. 70, pp. 204–213, 1971. DOI: 10.1080/00221347108981621.
17. Herbert, D. T. Geography of Urban Crime. N. Y. : Longman Inc. 1982.
18. Lowman, J. Conceptual Issues in the Geography of Crime: Toward a Geography of Social Control. Annals of the Association of American Geographers, no.1, vol. 76, pp. 81–94, 1986. DOI: 10.1111/j.1467–8306.1986.tb00105.x.

Received: November 18, 2018; accepted for publication December 25, 2018

Reference to the article

Martynov V. L., Sazonova I. Ye. Socio-Philosophical Approaches and their Use in the “Criminal Geography” // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 2. PP. 134–143. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-134-143.